

ДИАЛЕКТНЫЕ НАЗВАНИЯ СОСУДОВ В СЕВЕРНОРУССКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ XVI — XVII ВВ

Важнейшая задача исторической диалектологии русского языка XVI—XVII вв. — выявление общерусского и отграничение местного в составе словаря. От решения этой задачи зависит определение словарного вклада отдельных говоров в "общерусскую лексическую сокровищницу", как называл общерусский словарный фонд акад. В.В.Виноградов, воссоздание широкой ретроспективы территориальной дифференциации лексем, в значительной степени повторяемой в границах современных диалектных лексических различий, противопоставлений и соотношений. Несмотря на то, что за последние два десятилетия появились новые работы об истории отдельных групп лексики по данным местных памятников, лексика многих, даже центральных, регионов остается до сих пор не исследованной, по другим областям изучены лишь отдельные лексические группы, а добытые результаты не обобщены. Между тем сохранившиеся богатые собрания памятников письменности, в частности XVI—XVII вв., позволяют выявить для этого периода не предполагаемые, а очевидные диалектные слова, хотя ареалы распространения части из них еще не могут быть установлены с окончательной и абсолютной точностью.

В этом отношении заслуживают внимания названия погребной деревянной посуды для столовых запасов, поскольку данная группа слов не подвергалась специальному изучению в историко-диалектологическом плане.

Погребная посуда у русских была преимущественно деревянной, ср. замечание А.Олеария: "В этой местности растет очень много, даже целые рощи лип, с которых жители дерут лыко и развозят его по всей стране, приготовляя из него сани, посуду или ящики. Дерево они режут на цилиндрические части, выдалбливают их и пользуются ими как ушатами, бочками и т.п."¹ Семантиче-

¹ О л е а р и й А. Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно (1647—1671 г.). СПб., 1906. С.367.

ский компонент '(сосуд) из дерева' обязателен в значении каждого названия такой посуды. Второй семантический признак, сближающий эти названия, - '(сосуд) для хранения чего-либо'. Дифференциация названий внутри группы определялась размерами и формой обозначаемых реалий: 1) названия цилиндрических бондарных сосудов большого объема с одним или двумя днищами; 2) названия цилиндрических бондарных и долбленых сосудов среднего объема; 3) названия долбленых сосудов среднего объема, имеющих удлинненную форму и низкие стенки - борта; ср. соответственно: бочка - лагун - корыто.

Далее будут рассмотрены лишь названия, имевшие в старорусский период местный характер.

Кроме общерусского наименования бочка, цилиндрические бондарные сосуды большого объема в зависимости от наличия упоров для вертикального или горизонтального положения при хранении и перевозке получали названия лежанка (с 1589 г.), лежан (с 1605 г., историческими словарями пока не зарегистрировано), лежка (с 1671 г.), лежатка (с 1671 г.), стойка (с XVI с.),² стоятия (с 1599 г.).

Ввиду единичности фиксаций слов с корнем леж- в памятниках письменности ограничимся краткими иллюстрациями, характеризующими территорию распространения лексем. Внутренняя форма их достаточно прозрачна, механизм словопроизводства также очевиден: используются продуктивные для живой русской речи форманты.

Приведем примеры употребления лексем с корнем леж-: послано на Прутки з дворецким Лаврентьем 7 рублей денег покупати вселкой годовой запас да на бочки послано на лежанки (КДРС, кн. пр.-расх. И.-Вол. м. № 7, 61 об. 1589 г.);³ бочку лежан купили (Об. Шук. 4, 66, память 1605 г. с Ваги); сигов Г бочки лежки полбочки лежки судаков (КДРС, кн. там. Тихв. м. №1362, 5. 1671 г.); Г бочки лежатки лососей (там же, 8).

Один и тот же способ номинации получил разное деривационное решение в разных территориальных разновидностях русского

² См. Б о р и с о в а Е.Н. Лексика различной домашней утвари в рязанских памятниках XVI-XVII вв. // Учен. зап. Балашовск. пед. ин-та. 1957. Т.2.С.228.

³ Список сокращений см. в конце книги.

языка: лежанка – весь северо-западный ареал (Валдай, Тихвин, Волоколамск), лежка и лежатка – тихвинский говор, лежан – важный говор. В национальный период из перечисленных слов зафиксировано лишь лежанка 'длинная бочка' в среднеуральских говорах (СРНГ, XVI, 328), на южнорусской территории (тамбовские, рязанские говоры) отмечается слово лежень 'бочка (в отличие от стойки)' (там же, 333).

Слово стойка имело значение 'деревянный сосуд для хранения напитков и продуктов, обычно располагаемый вертикально': четыре стойки, двѣ мѣры для полмѣры (Оп. Свияж. м.586. 1614г.); бочка стойка ведрѣ в сорокъ болших да сем бочекъ лежачихъ болших (КДРС, кн. переп. Нил. Столб. пуст. 32 об. 1636 г.); в погребѣ стойка капусты бѣлой, другая стойка крошима (Дон. д., II, 676, опись 1644 г. из Москвы). Слово стойка как видовое поясняло родовое наименование бочка или кадка и противопоставлялось видовому термину лежка, см. характерные иллюстрации: кадь дубовая стойка на медовую ставку (Кн. расх. Никона, 54. 1652 г., В.Новгород); явить Григорей Титов четыре бочки стойки рыбы лодоги да бочку лежки рыбы лодоги (КДРС, кн. там. Тихв. м.-1138, 44 об. 1698 г.); на возу катка липавая агурцовъ послѣдняя салея и с той гсдрѣ катки сверху счищивали и даполнили тоѣ катку из ѣной стойки (Котков. Источники, 26. 1700 г.). Ср. в словаре XVIII в.: делва – бочка стойка (КДРС, Алф., 61 об.). Лексема стойка имела широкое распространение, но раньше и особенно часто употреблялась в южнорусских источниках, затем проникла на среднерусскую территорию. В старых рязанских и коломенских текстах обнаружен деминутив стоечка, например: кадушка масла коровья, стоечка мяса соленого.⁴

В языке XVIII в. стойка имело значение 'сосуд наподобие бочонка с двумя днами, на одном дыра с втулкою, на середине скоба для ношения, ставится стоймя' (САР, VI, 514). В XIX–XX вв. в значении 'кадка средней величины, бочонок' отмечается в ря-

---

⁴ Т и т о в А.А. Иосиф, архиепископ коломенский (дело о нем 1675–1676 гг.) // Чт. ОИДР, 1911. Кн. 3, Отд. 1, С.118; Б о р и с о в а Е.Н. Указ. соч. С.225.

занских, среднеуральских, нижегородских, костромских, ярославских, псковских говорах (Даль, IV, 333).⁵

Слово стоятня не получило широкого распространения, оно более активно употреблялось в астраханской письменности: в онбаре 2 бочки стоетни да корытишко (Рус.-кавк., 329, досмотр 1599 г. из Астрахани); лагун да две стоятни утлые (Пам. Моск. гос., 292, опись 1615 г. из Костр. у.). Со второй половины XVII в письменности это слово не наблюдается, диалектными словарями не регистрируется.

Бочки, служившие тарой или местной мерой жидкости и сыпучих тел, получали также названия на основе мотивации по содержанию, по характерной детали и даже по местности, на которой они были наиболее распространены: селедовка (от сельдь) – с 1589 г., вороновка (от воронка 'отверстие в днище бочки') – с 1648 г., вороненка – с 1667 г., осташевка (от Осташков) – с 1668 г.

Слова селедовка и осташевка были известны на западе русской территории (Смоленск, В.Новгород, Валдай, Торонец, Волоколамск): привез 2 бочки селедовки да две бочки поминочные рыбы (ЕДРС, кн. пр.-расх. И.-Вол. м. № 7, 91. 1589 г.); купят де, государь, в Польше и в Литве бочку селедовки ржи по 9 рублей (Рус.-бел. связи, 85, отписка 1625 г. из Торопца); въ смоленской бочки полторы селедовки (ВОИДР, 8, 6, кн. торг. нач. XVII в.); куплено шестнадцать бочек осташевек на рыбу (КДРС, кн. пр.-расх. Ивер. м. №53, 256 об., 1668 г.). Селедовка 'сельдяной бочонок' позднее наблюдается в смоленских, псковских и архангельских местах (Даль, IV, 171-172), ср. белор. селедовка, 'сельдяная кадочка',⁶

Воронька и вороненка встречаются только в тихвинских таможенных книгах: всякой рыбы VI вороненки пят ворваней полубоче икры лоджи (КДРС, кн. там. Тихв. №34, 5, 1647 г.); 2 бочки

⁵ Максимов Б.Б. Замечания о лексике посуды // Вопросы истории и диалектологии русского языка: Вып.2 / Под ред. Г.А.Турбина. Челябинск, 1967. С.105.

⁶ См. также: Добровольский В.Н. С.824; Носович И.И. Словарь белорусского языка. Минск, 1963.С.577.

судок воровок (КДРС, кн. там. Тихв. м. №1343, 9 об., 1667 г.). В более позднее время эти слова пока не отмечались.

Удлиненная, суженная к днищам бочка была названа в вологодских местах веретенкой: куплена бочка романей беременная, дано 26 рублей, да бочка веретенка ренского, дано 16 рублей (Волог. губ. вед., 1860, 19, кн. пр.-расх. волог. арх. 1658 г.). Обнаружен только один пример, позднее слово не отмечается.

Мотивационными признаками при назывании разновидностей кадок (кадка в отличие от бочки была ниже по высоте и имела лишь нижнее днище) являлись 'материал', 'сходство по форме', 'процесс или действие, производимые с помощью предмета'. Мотивационные признаки и словообразовательные средства при образовании таких видовых слов варьировались в зависимости от территории, хотя речь могла идти об очень похожих предметах, ср. липка - липовка, дуплянка - дупленка в значении 'кадочка, выдолбленная из ствола липы'.

Слово липка обнаружено в расходных книгах архангельского Корельского монастыря: купил ... меду три пуда да липку под мед (КДРС, кн. расх. Корел. м. №937, 51 об., 1663 г.). В национальный период липка 'небольшая кадка из липы' регистрируется лишь в пензенских говорах (СРНГ, ХУП, 55). Слово липовка с тождественным значением известно было в ХУП в. в Звенигороде: куплено ... двѣ кадки липовки дано два алтына (ЦГАДА, ф. 1199, №112, 28, кн. пр.-расх. Савв.-Сторож. м. 1678 г.). Ср.: "липовка - одноподеревая кадка липовая" (САР, III, 506); см. воронежское и смоленское липовка 'кадочка, выдолбленная из липы' (СРНГ, ХУП, 57).

Кадочку, сделанную из одного чурбака, именовали также дуплянка (с 1651 г.), дупляночка (с 1671 г.), дупелька (с 1677 г.), эти названия отмечены в свирских, соловецких и великоустюжских источниках: на хлебные полумеры куплено 10 кадок дуплянок, дано 6 алт. (ТК, II, 156, 1651 г.); катка квасная дуплянка два ушата (КДРС, А. Свир. м. 1198, 1658 г.); купил дупляночку на подмѣры, отдавалъ оковат обручами железными (КДРС, кн. пр.-расх. Солов. м. №24, 32, 1671 г.); продали лык, дупелек на 8 р. (ТК, III, 601, 1677 г.). Слова дупелька и дуплянка отмечены в национальный период в новгородских, псковских, архангельских, воло-

годских говорах и в целом ряде соседних диалектов: ярославских, калининских, московских, уральских, пермских, смоленских, северских, западносибирских.⁷ Скорее всего, центром иррадиации этих слов был древний новгородских говор и диалекты Поморья.

Колодезная бадья по данным великоустюжских источников имела название цепня (возможно, от цеплять): купил три цепни да лохан (ЦГАДА, ф. 1187, №348, 4, кн. расх. Тр.-Гледен. м.1635 г.) для банного строения ... у Никиты Коморникова куплена цепня, плачено 4 д. (ТК, Ш, 124, 1677 г.). Позднее цепня в указанном значении известно в архангельских и иркутских говорах (Подв., 186; Сл. иркут., Ш, 111).

В судьбе отдельных наименований севернорусские говоры сыграли решающую роль. Покажем это на примере слова лагун. Лагун — тюркское заимствование,⁸ вначале известно по письменным источникам как имя собственное: Василий Лагун, 1473 г. (Вес. Ономастикон, 176). Аппеллятив фиксируется с 1608 г.: 3 лагуна смолы (Ник.1,2, ССЛХІІІ, кн. расх. К.-Бел. м. 1608 г.). Наиболее вероятное значение слова — 'бондарный сосуд объемом от 1 до 7 ведер'; кадь соснова ветчана бывал лагун весом полтора пуда, а зелья в ней по весу шесть пуд (АИ, Ш, 9, опись 1614 г. из Перми); винных порожних пять лагунов, в которых сносили с винокурен в кабатскую казну вино (Токм. Сб. Вятки, 20, запись 1633 г. из Хлынова). Самые ранние примеры обнаружены в письменности севернорусской территории (Тихвин, Свирь, Кириллов, Вологда, Валдай, Хлынов, Тотьма, Онега, Холмогоры, Пермь, Якутск.⁹ В последней четверти XVII в. лагун встречается в письменности среднерусской полосы (Суздаль, Владимир, Москва,¹⁰ южная граница

⁷ СРНГ, VIII, 258-259, 261; Сл. иркут., I, 146; ССГ, III, 153; Е ф и м е н к о П.С. Материалы по этнографии населения Архангельской губернии: В 3 ч. Ч. I. М., 1877. С.32. И в а н о в а А.С. Словарь говоров Подмосковья. М., 1969. С.125.

⁸ Ш и п о в а Е.Н. Словарь тюркизмов в русском языке. Алма-Ата, 1976. С.218.

⁹ КЛРС, кн. там. Тихв. м. №350, 45, 1630 г.; ВОКМ кн. пр.-расх. арх. дома №2167, 237 об., 1648 г.; Дело о патриархе Николе. СПб., 1897. С.403 (кн. пр.-расх. К.-Бел. м. 1666 г.); и др.

¹⁰ Д е л а Тайного приказа. Т. I. СПб., 1907. С.200 (опись 1676 г.); и др.

распространения слова доходит до Рязани. С XVIII в. слово регистрируется лексиконами.¹¹ В XIX–XX вв. название лагун прочно закрепляется в русских говорах, развивая при этом спектр разнообразных значений: 'деревянная кадка', 'деревянное ведро для дегтя', 'распиленная поперек бочка', 'долбленая колода, корыто для пойда и помоев', 'глиняный кувшин' (СРНГ, XVI, 224–225). Обогащение семантики слова произошло в национальный период благодаря широкому территориальному бытованию.

Деминутив лагунец (с 1585 г.)¹² имел значение 'сосуд емкостью около ведра', отмечается в XVI–XVII вв. на севере и западе России (В.Устюг, Вологда, Свирь, Кириллов, Дорогобуж), ср. современное кировское лагунец 'долбленный липовый сосуд для дегтя на 5–7 ведер' (СРНГ, XVI, 225). Уменьшительное лагунчик зафиксировано в вологодских источниках, лагунок – в великоустюжских, см. первые фиксации: бочечка да лагунчик вина горячего (РИБ 2, 885, отписка 1614 г. из Вологды); укладу 3 лагунка (ТК, I, 161, 1636 г.). Лексема лагунчик употребляется до сих пор в архангельских, вологодских, калининских, свердловских и новосибирских говорах (СРНГ, XVI, 225), лагунок известно в говорах Урала, Среднего Поволжья и Сибири (там же).

На всей севернорусской территории была известна лексема лаг/к/ушка 'разновидность деревянного бочонка, кадки', получившая распространение во второй половине XVII в.: винная лагушка (КДРС, Арх. Он. Кр. м. 1658 г.); лагушка сала трескового весом 2 п. (ТК, II, 356, 1679 г.). Основные пункты, с которыми связано данное слово: В.Новгород, Онега, Холмогоры, Каргополь, В.Устюг, Усть-Вымь, Городец. В московской таможенной книге¹³ упоминается лагушка, привезенная в числе других товаров из Великого Новгорода. В национальный период лагушка употребляется с тем же значением и на той же территории, что и слово лагун. (СРНГ, XVI, 226; Сл. иркут. II, 3).

¹¹ Вейсман Э. Немецко-латинский и русский лексикон ... СПб., 1731. С.356; Российский Целлариус, или этимологический российский лексикон. М., 1771. С.260; САР, III, 511.

¹² См. первую фиксацию: РИБ 2, 271.

¹³ Книги Московской большой таможи 1693–1694 гг. М., 1961. С.25.

С XV в. в текстах отмечается слово лагвица, которое имело значение 'тип деревянного бочонка для крепких напитков, объемом от одного до четырех ведер': за лагвицу, что с тем вином отнесена, плачено 4 д. (АХУ, II, 1013, кн. пр.-расх. великоуст, арх. 1682 г.); дано в службу решето рѣткое да лагвица в ведро; дана лагвица новая в четыре ведра (ВОЖМ, кн. расх. Тр.-Гледен. м. №9548, 3, 21, 1682 г.); повелеть же и отроковицѣ своей, да лагвину вина и сосуд ея (Тихонравов, I, 166, "Иудиѣ", 1674 г.). Судя по показаниям источников, лексема лагница как элемент живой речи употреблялась лишь в говоре Великого Устюга. В общерусском литературном языке это было книжное архаическое средство. Слово было известно и в староукраинском языке.¹⁴ В национальный период выходит из употребления.

Лаговка 'деревянный бочонок, кадочка для хранения жидких и сыпучих веществ, фруктов и т.п.' синонимично слову лагун, обнаруживается в двинских, великоустюжских и вятских источниках: шесть ушатиков да две лаговки да две лоханки (КДРС, кн. расх. Корел. м. №935, 36, 1559 г.); вятчанин Андрей Козмин явил товару в проезд коробок да бочку с товаром да в лаговке 200 лимонов (ТК, I, 18, 1634 г.). В более позднее время слово сохраняет диалектный характер: известно в вологодских, северодвинских, свердловских и забайкальских говорах (СРНГ, XVI, 223).

Размеры статьи не позволяют рассмотреть слова ручка, насадка, носок, гадин, также являющиеся в старорусский период диалектными названиями бондарной посуды. Этот материал использован в выводах.

В составе исследуемой лексики преобладают элементы исконного происхождения, возникшие в праславянскую или древнерусскую эпоху. Часть из них входит в корневые гнезда, состоящие из слоб образованных от глаголов (на -к-) или имен (на -к-, -овк-, -свк-, -ик-, -анк- и др.) на основе следующих мотивационных признаков: материал, содержимое, деталь предмета, положение предмета при перевозке и т.п.; при этом один и тот же мотивирующий признак в разных территориальных диалектах русского языка мог иметь не-

---

¹⁴ Л е к с и к о н латинский Е.Славинецкого. Киев, 1973. С.249.

Одинаковое материальное выражение даже при условии образования слов от одного корня, ср. лежанка – лежка – лежатка – лежан. Неодинаковое деривационное оформление наблюдалось и у заимствованных лексем вследствие их функционирования на разных русских территориях: лагун – вначале севернорусское, с конца XVII в. общерусское; лагушка – севернорусское; лаговка – северодвинское и вятское; лагвица – великоустюжское.

Наблюдения над географией слов дают материал для некоторых суждений о лексических диалектизмах старорусского периода. Так, для всего севера России было характерно слово лагушка. Вместе с тем на севернорусской территории выделяются две диалектные зоны, разделенные пучком изоглосс: северо-восток (дуплянка, дупелька, лаговка, галин), северо-запад (лежанка). Наблюдается несколько регионализмов с ограниченным ареалом употребления: лежка, лежатка, вороновка, вороненка (тихвинское), лежан (важское), цепня, лагвица, руска (великоустюжское), липка (архангельское), липовка (московское). Заметны также общие элементы в говорах западной части русской территории: селедовка, осташевка, насадка. Чаще всего диалектными были названия местных бытовых реалий (см. вологодские удлинненные и суженные к днищам веретенки), но иногда и одинаковые предметы на разных территориях получали в чем-то неодинаковые названия. Как правило, в течение старорусского периода происходило расширение ареала употребления тех или иных слов, что связано с общей тенденцией к увеличению фонда общерусских лексических средств.